

ПОГОВОРИМ О ПОЭЗИИ...

ДВЕ РОЛИ МИХАИЛА ЖАРОВА

Речь пойдет о прекрасном комическом актере Михаиле Жарове, о двух его последних работах—в двухсерийном телефильме «Анискин и Фантомас» и в необычном телевизионном спектакле—соединении комедии В. Шекспира «Виндзорские насмешницы» с... оперой Д. Верди «Фальстаф».

И все-таки поговорим о поэзии! О той самой, без которой не бывает искусства. «Не нужно бояться слова «поэзия», не нужно думать, что «поэзия» — это непременно лунный свет и фальшивая интонация, — говорил В. И. Немирович-Данченко. — В том-то и заключается громадная сила русского искусства, что оно может охватывать поэтически самые будничные черты быта». Именно такого рода поэзия одушевляет создание художника с такой силой, которая поднимает нашу мысль над обыденным, будит воображение.

Нам всегда бывает интересно, как сыграет ту или иную роль Михаил Жаров, — настолько сильна, самобытна творческая индивидуальность этого актера. Добавим, что нас не смущает даже его постоянная легкая «узнаваемость», ибо он не стремится к внешнему перевоплощению, почти не прячет себя за гримом, париками и прочими приспособлениями, облегчающими свою внешнюю трансформацию. Не потому ли даже в Фальстафе, создавая этот образ почти на наших глазах, он щедро дарит сэру Джону свою индивидуальность, свое жизнелюбие, жаркую синь глаз в россыпи разбежавшихся лучиков-морщинок, свою манеру смеяться, говорить. Нам чрезвычайно интересно другое—та тонкость и оригинальность внутреннего перевоплощения, когда значительность личности актера остается, но в ее внутренней структуре, словно свершается магическая перестановка атомов, элементов, и перед нами — «тот» и «не тот» человек...

НАСКОЛЬКО это заразительно, можно судить по такому факту: именно Михаил Жаров заставил писателя Виля Липатова во многом пересмотреть своего «деревенского детектива» Анискина и теперь уже, сообразуясь с теми чертами, которые внес актер, написать телевизионное продолжение — киноповесть «Анискин и Фантомас». Ведь у писателя цикл рассказов и повестей об Анискине был задуман как пародийный. Он чуть подсмеивался над детективами. А потому и герой его был грандиозной толщины, почти как известный детектив Ниро Вульф у американца Рекса Стаута — «со слоновими ногами», «пудовыми руками», он «тарасил по-рачьи глаза», отдувался, «как паровоз после длинной пробежки», и живот у него был, как мешок с овсом. Да-да, как ни странно, именно таким предстал перед нами Анискин в первых своих литературных появлениях. Но здесь случилась с Липатовым удивительная история. Писатель теперь вспоминает с улыбкой: объективное содержание образа переросло замысел. А при экранной реализации его М. Жаровым было привнесено уже нечто совсем новое, та самая поэзия жизненной достоверности и теплый юмор, без которых уже нельзя представить себе сегодня славного «деревенского детектива».

Да, Анискин Виля Липатова вошел в нашу жизнь с жаровской статью, неторопливой походкой и улыбкой, с его широкой душой, мягко озаренной светом добросердечия, любви к людям, с его умением видеть в человеке невидимое, с его пристрастием к тому хорошему, что есть в человеке и что дает ему, Анискину, основание быть таким необходимым, принципиальным, взыскательным. В общем, характер сразу же перешагнул рамки частного литературного или кинематографического факта и обрел себе друзей и поклонников по всей стране.

Не потому ли с таким удовольствием мы смотрели телевизионное продолжение истории Виля Липатова и Михаила Жарова (здесь он выступил еще и как сорежиссер фильма—вместе с В. Рапопортом)—«Анискин и Фантомас»? Смотрели с удовольствием, даже прощая или «не замечая» некоторой затянутости и кинематографической «многословности» ленты. Ибо нравственная чистота героя, его гражданская, человеческая позиция, его сердце, открытое навстречу людским радостям и тревогам, не могут не вызвать у нас горячего сочувствия.

Так же как не может не волновать нас и главная озабоченность авторов фильма, высказанная в словах Анискина: «...Что же это получается, ведь раньше мальчонки-то, они в «Чапаева» или в «Красных дьяволах» играли, а теперь? В «Фантомаса»? Нехорошо получается,

нехорошо...». Но за этим—глубокая мысль о необходимости тонкого подхода к таким вроде бы «мелочам жизни», как прокатная политика кино в сельском клубе. О том, как забвение или недостаточное наше внимание к этому вопросу может обернуться против нормального течения жизни, искверкать юные души. Вот и возникает в тонкости кинопрокатного дела сельский участковый милиционер, устанавливая неожиданную связь между совершенным ограблением кассирши лесосплавного участка и демонстрацией 33 раза картин о Фантомасе в клубе. Здесь выявляется удивительное умение М. Жарова открывать и показывать поэзию обычной человеческой жизни, незаметно для нас, от сцены к сцене, укрупнять характер, не сглаживая его, а иногда даже подтрунивая над некоторыми его черточками. Не потому ли испытывают обаяние его личности почти все люди—от Евдокии (Л. Смирнова), завклубом Паздникова (Р. Ткачук), директора школы (В. Абрамов) и до рабочего буровой Опанасенко (А. Сафонов), Лютикова (В. Носик), старшей пионервожатой (дебют Анны Жаровой)...

НУ, А ФАЛЬСТАФ?.. Правильно ли здесь, в одной статье, вести речь о нем? Не является ли он героем из «другой оперы», тем более что он действительно связан с оперой Д. Верди о знаменитом шекспировском комическом персонаже? Да, здесь он — герой иной. Но и здесь с удивительной силой раскрывается стихия лирико-комической поэзии таланта Михаила Жарова. Фигура Фальстафа, начавшего свой путь в знаменитой шекспировской хронике о Генрихе IV, а затем ставшего центральной в комедии «Виндзорские насмешницы», — это фигура и титаническая, «озаренная солнцем Возрождения», и комическая, ибо толстяк Фальстаф—и хвостун, и сластолюбец, у него пороков, как заметил Пушкин, целая цепь. И он не только остроумен, но и сам становится предметом шуток окружающих. «Прогнать толстого Джека — это все равно, что прогнать весь мир», — говорит Шекспир в «Генрихе IV». Почему же?..

Телевизионный спектакль «Сэр Джон Фальстаф», напоенный искрящейся, стремительной и жизнерадостной музыкой Верди, психологически выразительной, гибкой, вокальной мелодикой, вводит нас в мир Фальстафа. Мы видим, как внутренне преобразуется М. Жаров опять-таки при минимуме внешних выразительных средств. Вот оно — драгоценное качество его героя — умение превращать все вокруг в праздник, в заразительное веселье. Актер, не отрицая противоречивости натуры Фальстафа, подчеркивает масштаб его характера, ту народную, жизнелюбивую основу, которая и позволяет понять, в чем же высшее достижение, «венец комического гения» Шекспира. Он — душа компании, человек многогранный, противоречивый, но каждый атом его от переизбытка чувств словно заряжен озорством и весельем.

Поэзия жизнелюбия освещает каждую сцену с Фальстафом—М. Жаровым. И здесь немалую роль играет удивительно найденное слияние драматического и вокального образа («за кадром» прекрасно поет Фальстаф В. Нечипайло). Вспомним хотя бы «лирические» мечты старого повесы о прелестях лукавой миссис Алисы Форд, о «глазках, как звезды», о «шее лебяжьей»; каким комическим самодовольством наполняется он, думая, что красotka прельстилась им тоже. Да, виндзорские проказницы проучили притворного воздыхателя Фальстафа, но и «вылечили» его: «шутка ведь часто — яд и лекарство: пусть этот смех ранит нас больно, многим нужна шутика стрела...». Да, как же нужна нам в жизни шутика! И здравицей шутике заканчивается это веселое и озорное музыкальное представление...

ДВЕ ТАКИЕ разные роли. И о каждой из них мечтал Михаил Жаров. Телевидение поспособствовало тому, чтобы мечты эти стали реальностью, тем самым подарив нам, зрителям, две новые встречи с ярким и самобытным талантом артиста. Впрочем, можно ли об этом говорить в прошедшем времени? Ведь известно, что Виль Липатов приступает к продолжению истории об Анискине и не осуществлена еще давняя мечта Михаила Жарова — сыграть Фальстафа в шекспировской хронике «Генрих IV». Так что подождем новых премьер!..

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.